

Кириллов Герман Михайлович

Kirillov German Mikhaylovich

доктор философских наук,
доцент кафедры «Философия и социальные
коммуникации» Пензенского государственного
университета

D.Phil.,
Associate Professor, Philosophy
and Social Communication Department,
Penza State University

СРЕДА ОБЩЕНИЯ: ДО И ПОСЛЕ МЕДИАПОВОРОТА

COMMUNICATION ENVIRONMENT: BEFORE AND AFTER THE MEDIAL TURN

Аннотация:

В статье предпринята попытка феноменологического анализа изменения экзистенциального поля как среды взаимодействия участников коммуникации до и после медиаповорота. В качестве основной модели в анализе представляется ось «субъект – тело – плоть» в трактовке новой онтологии М. Мерло-Понти. По мнению автора, увеличение пространства коммуникации способно не только расширять, но и сужать сферу межличностного контакта. Данные вызовы для естественной среды обитания человека должны стать предметом изучения не только медиалогии, но и философии, новой ее отрасли, получившей название «медиафилософия». В статье сопоставлены взгляды на роль медиа в коммуникационном пространстве информационного общества представителей медиаэкологии и экософии. Отмечается, что современные СМИ способны не только изменить, но и исказить наше восприятие, в том числе и образа Другого как части искаженной реальности. Автор полагает, что новая онтология Мерло-Понти способна наметить топологическое пространство для синергетического сопряжения обеих позиций и возможные пути решения наметившихся проблем в феноменологическом русле. По мнению автора, информационно-коммуникационный универсум современного медиапространства должен включать в себя, помимо уже выделяемых измерений, также «экзистенциальное поле» – сферу взаимодействия диалогической связи самости и Другого, телесной субъективности и плоти мира в единстве его многообразия.

Ключевые слова:

медиаальный поворот, медиаэкология, экософия, экзистенциальное поле, ось «субъект – тело – плоть», самость, Другой, техносфера, масс-медиа, медиалогия, медиаальное тело.

Summary:

The paper attempts to review the changes in the existential field as a medium for interaction between communication participants before and after the medial turn. The main category in the analysis is the "subject – body – flesh" axis in the interpretation of the new ontology of Merleau-Ponty. According to the author, enlarging the space of communication can not only expand, but also narrow the scope of interpersonal contact. These challenges to the natural environment of man should be the subject of study not only of Mediaology, but also of Philosophy, a new branch of it called "Media Philosophy". The paper compares views on the role of media in the communication space of the information society of Media Ecology and Ecosophy adherents. It is noted that modern media can not only change, but also distort our perception, including the image of the Other as part of a distorted reality. The author believes that Merleau-Ponty's New Ontology is able to outline a topological space for the synergetic coupling of both positions and possible ways to address these problems in the phenomenological direction. According to the author, the information and communication universe of modern media space should also include in addition to the already highlighted measurements, an "existential field" - the sphere of interaction of the dialogical connection between the self and the Other, bodily subjectivity and flesh of the world in the unity of its diversity.

Keywords:

medial turn, media ecology, ecosophy, existential field, "subject – body – flesh" axis, self, Other, technosphere, mass media, Mediaology, medial body.

«Мир уже никогда не станет прежним». Эта фраза в последнее время стала расхожей. Мы встречаемся с ней постоянно как в обыденной речи, так и на страницах печатных изданий. Характерный пример изменчивости мира – ситуация с пандемией COVID-19. Собственно говоря, мир никогда не стоял на месте и раньше, просто восприятие его нами было более стабильным. Происходящие в мире изменения принято сегодня именовать «поворотом». Современный российский философ В.В. Савчук выделяет следующие повороты, произошедшие в мировоззрении людей за последнее время: онтологический, лингвистический, иконический и, наконец, последний – медиаальный [1, с. 29]. Медиаальный поворот самый заметный и близкий поколению XXI века: современный человек практически не отрывается от мониторов компьютера, смартфона, планшета, пытаясь найти за экраном ответы на все вопросы. Признав прессу четвертой властью, мы открыли ворота в новую информационную эру и тем самым поставили под сомнение все остальные. Недаром говорят: «Если бы не существовало прессы, ее надо было бы выдумать». Все перечисленные выше повороты взаимосвязаны и дают весьма сложную, многомерную, взаимозависимую и, главное, весьма динамическую картину мира. Возможны различные фокусы зрения на проблему, разная оптика. Литература, посвященная изучению медиа, многообразна и включает

в себя разные подходы: одни исследователи отмечают новые возможности коммуникации, открывающиеся перед человеком; другие считают, что непрерывный информационный поток влечет за собой угрозу. М.Л. Новикова считает медиалогию комплексной наукой, привлекающей внимание представителей разных специальностей. Заслуживает внимания точка зрения А.П. Суходолова, который, размышляя о медиалогии и медиасфере, приходит к выводу, что медиалогия – это наука будущего, именно в ней сфокусированы ответы на важнейшие вопросы массмедиа. И.М. Дзялошинский, анализируя современное состояние и дальнейшее развитие сферы коммуникационных наук в России, подчеркивает, что пришло время поставить вопрос о защите не только человека от средств медиа, но и медиапространства от разрушительных действий людей. О медиалогии и медиаэкологии интернета пишет А.А. Калмыков, утверждающий, что основными характеристиками интернет-пространства являются гипертекстовость и интерактивность. В.В. Савчук отмечает, что в свете медиальной перспективы картина мира выглядит так: «... действительность опосредована мышлением, мышление – языком, язык – знаком, знак – медиа» [2]. В таком мире, где все оказывается средством, вопреки известной максиме Канта, средством может оказаться и человек. Цель настоящей статьи – пронаблюдать, как изменяется среда общения после медиаповорота. Как человеку сохранить в этой агрессивной среде возможность быть целью «в самом себе», т. е. возможность бытия в качестве человека? Вопрос этот необходимым образом связан с сохранением той среды, т. е. мира природы и мира культуры, среды, в которой человек стал человеком и в качестве такового существует уже не одну тысячу лет. Характерно, что в русском языке слова «среда», «средство» и «посредник» одного корня. Эрнст Геккель, предлагая в середине XIX века термин «экология», имел в виду среду обитания живых организмов [3, с. 290–230]. Но в том и специфика бытия человека, что он научился эту среду преобразовывать, втягивая в орбиту существования как живое, так и неживое, до некоторой степени делая его живым, очеловечивая, то есть создавая мир культуры. Его инструменты – слово, знак, техника (и средства коммуникации, в частности). По мере развития культуры средства эти становятся настолько активными, что начинают представлять угрозу естественной среде обитания человека и ему самому. Угроза эта настолько ощутима, что находит отражение в искусстве, начиная со средневековой легенды о Фаусте и заканчивая призраком «восстания машин», неустанно тиражируемым современной массовой культурой. Нельзя сказать, чтобы обществом эта угроза не осознавалась. В последнее время все чаще говорят об экологии культуры, языка, наконец, и о медиаэкологии. Издержки информационной эры называют по-разному: Э. Тоффлер диагностировал в современном обществе «информационную перегрузку» [4, с. 24], а Ж. Бодрийяр предостерегал об «экстазах» в обществе обесценного и коммуникации [5, р. 126–133].

На смену «сцене и зеркалу» в современном мире пришли экран и сеть, которые образовали непроницаемую «операциональную поверхность коммуникации» [6]. Фаустовскую цивилизацию сменила цивилизация «протеевская» – эпоха переплетения разнообразных соединений и контактов, т. е. «всеобщего интерфейса» [7]. Мы все вовлечены в процесс производства глобального телекоммуникационного средства – медийного продукта. Одним из главных источников информации стали социальные сети, где процесс коммуникации часто является стихийным и неуправляемым. Качественно новым культурным информационным феноменом являются блоги. Все эти средства коммуникации занимают большую часть нашего жизненного пространства, которое постоянно сужается. Примечательно, что М. Маклюэн, основоположника современной коммуникативистики, считают «по совместительству» и родоначальником медиаэкологии. И это справедливо, поскольку канадский культуролог признавал, что термин «окружающая среда» звучал бы в новых условиях информационной эры более злободневно, чем используемый им в заголовке его программного произведения термин «галактика». М. Маклюэн полагал, что эпоха книгопечатания создала зрительную перспективу, обеспечивающую возможность существования индивидуальной «точки зрения» [8, с. 200]. В эпоху господства электронных средств коммуникации происходит радикальное изменение визуальной ориентации, а значит, и восприятия себя. В самом деле, «продолженные» чувства людей, которые в прежние эпохи существовали как закрытые системы, в электронную эпоху обрели способность к взаимодействию, образуя единое поле опыта. В результате нынешнее «одновременное поле» электрических информационных структур, скорее, призвано воспроизводить и потребность в диалоге, существовавшую прежде (в первую очередь в период Античности), нежели способствовать проявлению индивидуальности и частной инициативы. Впрочем, в последние годы энтузиазм Маклюэна в отношении вездесущей информационной техносферы стал иссякать. Он осознал, что она способна не только расширять, но и сужать горизонт сознания, заполняя его информационным «мусором». Термин «медиаэкология» позднее предложил Нил Постмен [9]. Он же впервые сформулировал проблему медиакратии, то есть засилья техники.

К числу продолжателей экологических идей Маклюэна принадлежит и Джошуа Мейровиц [10], автор работ, касающихся влияния средств массовой коммуникации на общество и поведение человека. Мейровиц считает необходимым при изучении медиа использовать ситуационный

анализ, так как «идентичность» и «ситуация» представляют собой изменчивые «информационные системы», их структура напрямую зависит от трансформации форм коммуникации. Исследователь обращает внимание как на групповые роли в коммуникации, так и на личностное восприятие средств медиа. Анализируя термины “medium” и “media”, социолог подчеркивает, что понятие “media” – это то или иное средство коммуникации, которое оказывает «конкретное воздействие на человека» [11, р. 260]. В то время как такие понятия, как «роль», «место», «идентичность» и «ситуация» не являются неизменными сущностями, они могут применительно к медиасфере изменяться, генерировать, воздействовать на чувства в зависимости от «форм коммуникации». По мнению Мейровица, электронные СМИ обладают особой способностью уничтожать специфику места и времени, а значит, и «дома» («отсутствие ощущения места»). Это происходит потому, что технические средства превращают частные «места» в общедоступные, в результате они становятся более открытыми для внешнего мира. Пребывая «везде», человек уже не будет находиться в каком-то конкретном месте [12]. СМИ делают проницаемым все то, что происходит с человеком, где бы он ни был. Прозрачность современных СМИ совсем не исключает существование экрана, отделяющего нас друг от друга, и мы уже не «слышим» голоса близкого к нам живого человека. Мейровиц приводит яркий пример, касающийся технологизации общества. Одна телефонная компания предоставляет рекламу: «Дом там, где есть телефон» [13]. Эти слова можно интерпретировать иначе: «Везде, где есть телефон, уже нет дома в его привычном смысле». Теперь то же самое можно сказать о зоне действия Wi-Fi: «Дом там, где есть Wi-Fi». Сегодня можно завести «личный кабинет» практически на любом официальном сайте. Но насколько можно считать такое пространство своим? Возникает вопрос: «Где начинается и заканчивается теперь наше личное пространство?». Создается впечатление, что те, кому доступны многие общие места, больше не имеют индивидуальной среды обитания. Места, которые они посещают впервые, уже не кажутся им уникальными, так как они уже знакомы им по телевизору или интернету. То есть места, которые обладают неповторимым своеобразием, кажутся теперь абсолютно одинаковыми. Аспекты групповой идентичности, социализации и иерархии, которые когда-то были зависимы от конкретных физических мест и особого колорита, имеющегося в них, были переформатированы и изменены электронными СМИ.

Некая оторванность от корней, утрата почвы давно уже тяготела над европейской философией. Она проявилась, в частности, в дуализме Декарта с раздвоением тела и сознания и абстрактным характером немецкой классической философии, обозначившей пропасть между плотью и духом. Одной из попыток перекинуть мосты над бездной стали усилия представителей такого философского течения, как экософия, или экофилософия, – нового направления философской мысли. Экософия, иначе «экологическая философия», – направление, вобравшее в себя концепции норвежского философа Арне Несса и французского психолога Феликса Гваттари [14]. Попытка увидеть человека в экологической перспективе в его взаимодействии и гармонии с природой осуществлялась и ранее, в том числе русскими космистами. В.И. Вернадский, как известно, создал учение о биосфере, полагая, что она является организованной сферой планеты, планетарным явлением, имеющим космический характер, биосфера пребывает в контакте с жизнью. Продолжая развитие теории о формировании биосферы, мыслитель сформулировал также понятие «ноосфера», полагая, что человек, являясь частью природы, должен подчиняться ее законам, в то время как он старается изменить их [15, с. 328–330].

Русский космизм можно назвать экософией. Она представляет собой онтологическую перспективу, недостающую медиаэкологии, нацелена на то, чтобы весь мир, космос представить как некое обиталище для человека. Тем не менее остается непонятным, как взаимосвязаны такие разнородные пласты бытия, как ноосфера и биосфера между собой и на каких принципах должны строиться взаимоотношения человека и природы. К какой оболочке будет относиться техносфера и примыкающие к ней медиа? Является ли техносфера антагонистом биосферы? Представляется, что ответы на эти вопросы могла бы дать новая онтология М. Мерло-Понти. Маклюэн размышляет о том, как изменяется соотношение чувств, когда «одно из них – или телесная или умственная функция» облекается в технологическую оболочку [16]. Другими словами, восприятие человеком реальности меняется в зависимости от воздействия на него технических средств. Недостаток информации может представлять опасность для психики, избыток тоже может искажать реальность [17]. Прослеживается мысль, что средства коммуникации могут изменить конфигурацию реальности, восприятие человеком самого себя и другого. В работе Мерло-Понти «Феноменология восприятия» складывается концепция живого тела как целостного «я». В феномене восприятия, как считает Мерло-Понти, выражается человеческая субъективность и происходит конституирование смысла. Философ выделяет третий род бытия, который он называет феноменальным телом. Первый опыт человека, «изначальная встреча» с Другим, «наивный контакт» с миром являются базовыми экзистенциалами человеческого бытия. Оно отличается как от

бытия феноменов сознания, так и от бытия вещей, обладая собственным экзистенциальным пространством. Благодаря феноменальному телу мы осуществляем связь с остальным миром, средоточием всех значений, постигаем изначальный смысл вещей. Экзистенциальное пространство, образуемое феноменальным телом, конституирует структуру субъективности, образуя экзистенциальное поле. «Я заброшен в природу, и природа является не только вне меня, в объектах без истории, она видима и в центре субъективности» [18, с. 442]. Плоть, по мнению философа, обладает свойством зеркальности. Для человека становится очевидно, что «мир есть не то, что я думаю, но то, чем я живу, я открыт миру. Вне всякого сомнения, сообщаясь с ним, но я им не обладаю, мир неисчерпаем» [19]. Об этом идет речь в позднем творчестве Мерло-Понти: телесная субъективность оказывается имманентно вписанной в текстуру плоти мира, образуя с ней нерасторжимое единство, своеобразную ось «субъект – тело – плоть» [20]. Субъект как носитель смысла погружен в тело, некое вместилище человеческой субъективности. Под плотью понимается плоть мира, с которой человек связан. Мы подразумеваем, что человек не должен отрываться от себя, от другого, от мира, который дан ему изначалью. Ось «субъект – тело – плоть» становится тем невидимым шарниром, на который, мы полагаем, могут нанизываться все иные сферы, окружающие человека. Современные электронные СМИ меняют наше восприятие мира, которое перестало быть линейным, каким оно было в индустриальную эпоху. Восприятие стало объемным и подвижным. Вместо тела реального у нас появился двойник – медиальное тело. Это тело воображаемого себя, соответствующее некому экранному образу: я как Билли Айшлиш, Криштиану Роналду, Катя Кищук и т. п. [21]. Тем не менее образующееся в нашем сознании «мозаичное поле» различных точек зрения может быть деформировано. Современный голландский психолог Г. Херманс рассматривает такое распыленное сознание в качестве полифонической самости. На практике же это порождает ситуацию «расколотого я», в терминах Р. Лэнга. Если раньше «изначальное» восприятие мира человеком было опосредовано природой, являлось основой, из которой вырастают все человеческие смыслы и значения, то теперь оно взаимообусловлено преимущественно техносредой. Делез и Гваттари, описывая современного человека, прибегают к метафоре «тело-без-органов», тело как виртуальность. Философы, объясняя произошедшие радикальные изменения в восприятии людьми самих себя, используют метафору «Человек – «машина желаний» (вместо привычной нововременной «Человек – машина»), и на вооружении у них уже не психоанализ, а шизоанализ, ведь раздвоенность сознания сменилась на полифоническую его расколотость. Смысл этого термина заключается в том, что капиталистическое производство, направленное на создание «машин желаний», представляет собой шизофренический процесс. Вместо органов в «теле» такого человека – разнообразные средства коммуникации. Виртуальное тело «промежуточно», потому что оно абстрактно, ибо не является ни проекцией, ни калькой, но принципом сцепления в одной уникальной карте гетерогенных и всегда микроскопических элементов («частичных объектов») становящейся «материи» [22, с. 36]. Такая метафора, безусловно, способствует пониманию раздвоенного «шизофренического» типа личности, созданного Делезом и Гваттари, но не вполне объясняет появление своеобразного аутизма в поведении современного человека. Психиатр А.А. Шмилович рассуждает о таком явлении, как сенсорная дезинтеграция аутистов, такие люди постоянно находятся в «самоизоляции» от окружающих [23]. У подобных больных наблюдается некий дисбаланс в восприятии мира, их органы чувств напоминают расстроенный инструмент, искажающий понимание действительности, они изолированы от реальности, у них низкая эмоциональная восприимчивость. Полагаем, что современный человек, погруженный в виртуальную реальность, тоже теряет связь с внешним миром, становясь безразличным к переживаниям других людей, он инкапсулирован в своеобразную «оболочку», образованную СМИ. Такой человек напоминает кэрролловского Шалтая-Болтая, чья целостность все время находится под угрозой. Человек, чьей базовой онтологической характеристикой является неполнота, «восполняет» себя при помощи средств коммуникации, которые становятся продолжением его органов. С течением времени он настолько в этом преуспел, создавая все более «горячие» СМИ, что сам наподобие уэллсовских марсиан превратился в процессе самореализации в тело без органов. За него теперь миссию самореализации выполняет его технологический двойник. Его медиальное тело виртуально представляет собой некий экзоскелет, но за это преобразование ему пришлось заплатить слишком большую цену: «технологический» человек стал инертным и пассивным, утратив изначальную агрессивную субъектность человека нового времени. Нарциссическая самовлюбленность к своему технологическому двойнику, который позволяет преодолевать расстояния, «входить» в любые «кабинеты», владеет такими языками программирования, как Java или Kotlin, SQL или Visual Basic, делает современного человека все более равнодушным к Другому, а ведь только в общении с Другим происходит личностный рост, обретаются новые ценности и смыслы.

Почему мы остановились именно на медиальном повороте? Думается, потому, что через медиа мы оказываемся на стыке или на переплетении двух сред: биосферы и техносферы, иначе говоря, мы «посредники», несущие ответственность за судьбу всего живого на Земле. В то же время мы и сами оказываемся под угрозой исчезновения жизненной среды – экзистенциального пространства, иначе поля диалога. Долгое время, по меткому замечанию А. Уайтхеда, человек, подобно актеру, пытался сыграть сразу две роли: с одной стороны, слуги природы, с другой – ее повелителя. Последние события, произошедшие в 2019–2020 годах, показывают, что со второй ролью человек явно не справляется: распространившийся по миру коронавирус не только унес жизни сотни тысяч человек, влияние эпидемии имеет, кроме того, политическую, социально-духовную и психосоциальную подоплеку – распространение вируса отразилось на взаимоотношениях между членами семьи, между целыми нациями и странами. Мы все поневоле оказались погружены в замкнутое пространство своего жилища, и, как выяснилось, современные средства массовой коммуникации не способны пока эту «социальную дистанцию» преодолеть. Сумеет ли человек вернуть утраченную связь с окружающим миром, текстура которого имеет, по тонкому наблюдению французского феноменолога, зеркальную природу со своим Домом, природой, дальним и ближним? Ибо только в этом случае такое пространство окажется способно отразить фигуру Другого во всем богатстве его экзистенциалов, только в этом случае мы сможем восстановить расколотую целостность самости.

Медиасфера (инфосфера), как и ноосфера, порождены человеком. Так, И.М. Дзялошинский предлагает ввести термин «информационно-коммуникационный универсум», используя для понимания три проекции в качестве которых выступают «информационное пространство», «коммуникационное пространство» и «медийное пространство». Выделяясь из техносферы, они приобретают все большую самостоятельность, активно влияя на человека и социальную среду [24]. Вместе с тем, находясь посередине между био- и техносферой, медиа могли бы сыграть посредническую роль между ними, если человек не утратит своего контроля за их деятельностью. Человеку важно сохранить свою самостоятельность в качестве посредника, помня, что не только он сам, но и окружающая его среда коммуникации, как естественная, так и искусственная, нуждаются в серьезной защите. Обращаясь к получившему распространение выражению, можно сказать: нельзя позволять, чтобы хвост вертел собакой.

Ссылки:

1. Савчук В.В. Медиафилософия. Приступ реальности. СПб., 2013. 350 с.
2. Там же. С. 29.
3. Сковрон С. Развитие теории эволюции / пер. с польск. Р.М. Лозовской ; под ред. и с предисл. Н.Н. Воронцова. Варшава, 1965. 314 с.
4. Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2001. 557 с.
5. Baudrillard J. Ecstasy of Communication // The Anti-Aesthetic. Essays on Postmodern Culture. Port Townsend, 1983. 245 p.
6. Ibid. P. 126–133.
7. Ibid.
8. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: становление человека печатающего / пер. И.О. Тюриной. М., 2005. 495 с.
9. Нил Постмен – последователь М. Маклюэна.
10. Джошуа Мейровиц – профессор, работающий на кафедре коммуникаций Университета Нью-Гемпшира в Дареме.
11. Meyrowitz J. No Sense of Place: The Impact of Electronic Media on Social Behaviour. New York, 1985. 416 p.
12. Ibid. P. 205.
13. Ibid.
14. Næss A. Store Norske Leksikon [Электронный ресурс]. URL: https://nbl.snl.no/Arne_Næss_-_1 (дата обращения: 25.05.2020).
15. Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1965. 374 с.
16. Маклюэн М. Указ. соч. С. 452.
17. Там же.
18. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / под ред. И.С. Вдовиной. М., 1999. 608 с.
19. Там же. С. 11–12.
20. Кириллов Г.М. Десакрализация языка в пространстве массовой коммуникации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2019. Т. 5 (71). № 2. С. 14–23.
21. Булгакова О. Тело медиа и медиальная бестелесность // НЛО. 2012. № 5. С. 403–418.
22. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. М., 2010. 895 с.
23. Шмилович А.А. Детский аутизм и сенсорная дезинтеграция [Электронный ресурс]. URL: <https://www.radiorus.ru/brand/63253/episode/2191604> (дата обращения: 25.05.2020).
24. Дзялошинский И.М. Информационно-коммуникационный универсум – реинкарнация Соляриса? // Экология медиасреды : сборник статей IV Открытой межвузовской научно-практической конференции «Экология медиасреды». М., 2019. С. 72–95.

Редактор: Шейхетова Ирина Александровна
Переводчик: Мельников Евгений Вячеславович